УДК 930.2

ББК 63.211

DOI 10.31554/2222-9175-2021-42-96-104

С. И. Кузнецов

«РИСОВАТЬ ИНТЕРНИРОВАННЫХ ЯПОНЦЕВ – ДЕЛО ВСЕЙ МОЕЙ ЖИЗНИ»: ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЖИВОПИСИ

Статья посвящена трем историческим памятникам и альбомам живописи и графики бывших японских военнопленных в СССР: воспоминаниям сибирского узника Савада Сайносукэ, запискам о моей молодости Горо Сикоку и рассказу о Сибири Ямасита Сидзуо. Все три источника долгое время существовали только в рукописях и стали известны сравнительно недавно. Они содержат достоверную информацию о жизни и работе военнопленных в 1945–1949 гг. в лагерях на территории СССР.

Ключевые слова: японские военнопленные советско-японской войны 1945 г., интернирование в Сибирь, Савада Сайносукэ, Ямасита Сидзуо, Горо Сикоку, история повседневной жизни военнопленных.

S. I. Kuznetsov

“DRAWING INTERNED JAPANESE IS MY LIFE’S WORK”: MEMOIRS OF THE FORMER PRISONERS OF WAR IN PAINTING

The article is devoted to three historical sources and albums of paintings and drawings of the former Japanese prisoners of war in the USSR – memoirs of the Siberian prisoner Sawada Sainosuke, notes about my youth of Goro Shikoku and a story about Siberia by Yamashita Shizuo. All three sources for a long time existed only in manuscripts and became known relatively recently. They contain reliable information about the life and work of prisoners of war in 1945–1949 prisoner of war camps on the territory of the USSR.

Keywords: Japanese prisoners of war of the 1945 Soviet-Japanese war, internment in Siberia, Sawada Sainosuke, Yamashita Shizuo, Goro Shikoku, history of the everyday life of prisoners of war.

Тема японских военнопленных Второй мировой войны в СССР имеет уже обширную историографию. Став объектом исследования отечественных историков в конце 80-х гг. прошлого века, в настоящее время она включает десятки монографий, сборников документов, сотни научных статей и публицистики [Гучинова 2016]. За три десятилетия введен в научный оборот огромный массив документов, которые позволили глубоко изучить трудовое использование военнопленных, режим содержания, медицинское обслуживание, бытовое положение и т. д. При этом такая важная сторона темы, как повседневная жизнь военнопленных в лагере, изучена в российской историографии слабее, поскольку основной источник – воспоминания военнопленных (а в Японии опубликовано свыше 2 тысяч книг мемуаров [Саираидзи Хидэхико 2016]) малодоступны для российских исследователей. На

КУЗНЕЦОВ Сергей Ильич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: s.kuznetsov@hist.isu.ru.

русский язык переведены лишь 2–3 книги воспоминаний японцев. Воспоминания российских современников тех событий фрагментарны, малоконкретны и зачастую представляют из себя краткие публицистические заметки в периодической печати.

Привычные мемуары – записанные на бумаге, изданные в виде книг, записанные словами на каком-либо носителе. В случае с воспоминаниями японцев мы имеем дело с еще одним, особым видом мемуаров, который антрополог и этнолог Эльза-Баир Гучинова называет «изобразительным мета-текстом бывших пленников о лагере» [2019: 16]. Как мемуары, пишет исследователь, они несут в себе и «печать индивидуальности автора, и обращенность в прошлое, и связанные с последними два временных плана, двойную точку зрения автора на события, особый хронотип, обусловленный перспективно-ретроспективным движением мысли повествователя» [Там же].

В советских лагерях военнопленных оказалось множество японцев – живописцев-профессионалов и любителей. Рисовать им разрешали, более того, лагерная администрация привлекала таких людей для оформления «наглядной агитации». Писали они портреты и пейзажи, однако вывозить свои творения при репатриации им было строго запрещено. Многие из тех, чье творчество начиналось в лагере, стали впоследствии знаменитыми художниками, известными не только в Японии, но и во всем мире. Среди них Кадзуки Ясуо (1911–1974), сидевший в Черногорском лагере и написавший в 1947–1974 гг. по воспоминаниям целую «Сибирскую серию» из 57 картин, включающую известные полотна «Домой», «Голод», «Каменщик», «Печка», «Кончина», «Беженцы», «1945 год» и др.; Ямаока Минору (Казанский лагерь, картина «Дорога горя»; Кацуяма Сюньити («Марш смерти»), Сэки Ютака и многие другие.

Несколько лет провел в Тайшетлаге мастер традиционной японской живописи Ёкояма Мисао. Тема плена занимала важное место в его творчестве, но перед смертью живописец уничтожил большинство картин, написанных по сибирским воспоминаниям. Остались лишь две работы. До 1948 г. содержался в Тайшетлаге известный скульптор, будущий профессор университета искусств в Токио Сато Тюрио. В послевоенные годы он стал членом французской и итальянской академий художеств, выставлял свои работы во многих странах мира.

В Японии неоднократно публиковались альбомы репродукций как известных художников, так и любителей, рисовавших сибирские лагеря по памяти. Один из таких альбомов, включавший работы Кадзуки Ясуо, Сато Тадаёси, Ямаока Минору, Кацуяма Сюньити, Накая Масао и др., вышел в 1989 г. [Киравэку хокуто... 1989]. «Я вновь переживаю Сибирь, когда рисую. Что такое Сибирь для меня? – писал Кадзуки Ясуо, – однажды я был захвачен ею, а потом отторгнут. Теперь я с трудом переношу свои воспоминания на полотно» [Кадзуки Ясуо 1970: 159].

Особое место среди художников – бывших военнопленных занимают те, кто создал целые циклы работ-воспоминаний. Это настоящие живописные дневники, мемуары, исторические источники, позволяющие узнать многие детали повседневной жизни военнопленных. Следует отметить что наши соотечественники, побывавшие в нацистских лагерях или ГУЛАГах, не оставили воспоминаний в рисунках. Рисунки нескольких десятков узников нацистских лагерей из разных стран Европы были собраны и опубликованы в 2007 г. в Германии. В Японии же вышли сотни мемуаров, которые иллюстрировали сами авторы, несколько десятков воспоминаний в рисунках и картинах. Вышли даже воспоминания Сайто Кунио, созданные в жанре манга [Сайто Кунио 1991]. В Японии мангу читают люди всех возрастов. Манга уважаема как форма изобразительного искусства и как литературное явление.

Воспоминания сибирского узника Савада Сайносуке

Один из уникальных дневников принадлежит кисти мастера каллиграфии, бывшего заключенного лагеря № 99 в Карагандинской области Савада Сэйносуке. Дневник Савада представляет собой два бумажных свитка рисунков и текстов, выполненных в традиционной японской школе суми-э – живописи тушью. Под влиянием философии дзен в японской живописи суми-э используют только черную тушь. Однако считается, что тушь не просто черная – «у нее бесчисленное количество оттенков, и этого достаточно, чтобы в предельно упрощенном виде показать все цвета. Различия в тоне черной туши не просто отражают степень яркости или освещенности. Скорее они создают ощущение цвета по контрасту с белой поверхностью: именно это порождает эффект цветной картины» [Окамото Наоми 2019: 8].

Савада Сэйносуке родился в 1921 г. в г. Мураяма префектуры Ямагата. После окончания школы поступил в училище по подготовке почтовых служащих. В 1941 г. оказался в армии – сначала в г. Хиросаки в 22-й роте связи, а после окончания школы унтер-офицеров – в 549-м резервном полку в Маньчжурии. В сентябре 1945 г. в числе многих других был пленен наступающими частями Красной Армии и отправлен в лагерь военнопленных на территории Советского Союза. Его команда оказалась в одном из многочисленных отделений лагеря № 99 (Спасский или Спасозаводский в Карагандинской области в Казахстане. На 1 января 1946 г. в лагере насчитывалось 28270 военнопленных японцев, немцев и румын, которые работали в угольных шахтах треста Карагандауголь [Там же: 346]. За три года плена Савада, как и многие другие, пережил депрессию и отчаяние в надежде на скорое возвращение на родину. Со свойственным многим японцам заблуждением он называет эту землю Сибирью. Свобода пришла лишь в сентябре 1948 г. в порту Майдзуру, куда он был доставлен пароходом «Синьё-мару». Он вновь поступил на работу в то же самое почтовое отделение, где и работал вплоть до выхода на пенсию в 1976 г. Тогда же он профессионально занялся каллиграфией, приняв псевдоним

Савада Кагё, и даже получил премии губернатора префектуры Ямагата и престижной выставки «Майнити каллиграф». В это же время, по свидетельству его племянницы Симояма Рэйко, Савада задумал создать воспоминания, используя традиции суми-э, правда ни с кем своими планами не делился. «Мне казалось, что он, как каллиграф, решил оставить свою историю в виде картины и каллиграфии. Он написал историю своей жизни в стиле традиционной картины в виде свитка. Савада хорошо знал, что японская бумага ва-си хранится веками, а свитки не занимают много места. Кроме того, он знал, что картина обладает особенностью передать содержание намного более ярко, нежели обычные слова. ... Я думаю, что он оставил свои воспоминания не только как память о себе, но и как еще одно свидетельство бессмысленности и жестокости войны» [Савада Сайносуке 2017: 115].

Дневник Савада Сайносуке

В конце рукописи он приложил приказ о его призыве на военную службу, текст императорского рескрипта и другие документы. А закончил Савада свое произведение антивоенными стихами против поэта Акико Ёсано: «Не дай бог, ты умрешь!»

Неотделимой от рисунков частью рукописи Савада является текст, выполненный японской каллиграфией – сёдо. Это понятно, ведь автор много лет занимался каллиграфией. Как известно, каллиграфия – одно из самых популярных изящных искусств Японии, а каллиграфические работы ценятся не меньше, чем произведения живописи. К тому же этот вид изобразительного искусства кроме чисто художественных достоинств обладает глубоким философским смыслом. Каллиграфия в дневнике Савада – это не только красота, но и смысл, зачастую более сложный, чем значение написанного кистью иероглифа. Изыщество линий, их гармония не только создают эстетическое наслаждение, но и передают тысячелетнюю мудрость. Каллиграфия Савада несет в себе глубокий смысл, подтекст, к сожалению, недоступный пониманию неяпонца.

Значительная часть сюжетов дневника относится к службе Савада в Маньчжурии: учеба в школе военных связей, муштра, рукоприкладство офицеров, бытовые подробности, окружающая среда. В сентябре 1945 г. эшелон с военнопленными отправляется в СССР. Савада изображает лагерь военнопленных, работу в угольной шахте, различные бытовые сцены, медосмотр советскими врачами, изготовление наглядной агитации, художественную самодеятельность в лагере и т. д. Завершив работу над воспоминаниями, Савада рассказал о них своей старшей дочери и ее мужу. Но они особо не заинтересовались ими, а вскоре и забыли. В июне 1985 г. Савада скончался, а его рукопись в виде свитка 30 лет так и пролежала на книжной полке в его кабинете. Ее обнаружили лишь в 2013 г., когда дом стали сносить. Дневник Савада стал своеобразным посланием к потомкам. В августе 2015 г., после статьи в газете «Асахи» о нем узнали очень многие. Были организованы специальные выставки в 2016 г. в Токио, в 2017 г. в Мураяма и Цуруока и в префектуре Ямагата, в 2018 г. в храме Хигаси Хонгандзи в Киото. В настоящее время исторический памятник, доступный для ознакомления всем желающим, хранится на родине Савада – в Татеока префектуры Ямагата. Местными активистами каллиграфия Савада тщательно расшифрована, изготовлено несколько реплик свитка, которые переданы в храмы Хигаси Хонгандзи (Киото), Киото Сококудзи, Тиориндзи (Татэока), в Центр мира Кита-Мураяма, Ямагата. Одна реплика подарена и автору этой статьи.

«Записки о моей молодости» Горо Сикоку

Не менее интересны воспоминания известного художника и поэта Горо Сикоку. Он родился в 1924 г. в г. Михара префектуры Хиросима. До призыва в армию занимался литературной деятельностью. Около трех лет провел в Ургальском лагере военнопленных № 5 Хабаровского края. Лагерные отделения, где содержался Горо, находились в поселках Горин и Хурмули Солнечного района, военнопленные работали в дорожном строительстве на трассе Урган – Комсомольск. В течение трех лет Горо вел записи и зарисовывал сценки из лагерной жизни. Около тысячи рисунков, снабженные комментариями, составили обширную рукопись, которую Горо называл «Мой меморандум». К сожалению, рукопись была изъята лагерными властями при репатриации военнопленных. Возможно, она хранится в каком-либо из российских архивов. Тем не менее Горо, пожалуй, единственный репатриант, которому удалось вывезти в Японию некоторые зашифрованные записи, в т. ч. те, что он делал на своем котелке и сумел утаить. После репатриации он расшифровал и воспроизвел по памяти свой дневник, который стал ценным историческим источником, свидетельством очевидца о годах, проведенных в лагере.

Горо Сикоку. «Домой!»

Горо Сикоку. Автопортрет

Рисунки Горо выполнены в жанре графики, они достоверны и очень точны даже в мелких деталях. Для него характерны лаконичность художественной манеры и емкость образов. Чаще рисунки черно-белые, лишь иногда используются 2–3 цвета. Художник изображает товарищей по лагерю, советских солдат-конвоиров, женщин, врачей, множество сцен на производстве, в повседневной лагерной жизни. Особое место в рукописи уделено программе индоктринации, которую среди военнопленных проводила советская лагерная администрация. Горо вошел в число активистов, сотрудничавших с администрацией лагеря, как художник участвовал в оформлении различной наглядной агитации. Значительно число сюжетов его рисунков связано именно с этим. Исследователь творчества Горо профессор университета Хиросима Кавагути Такаюки отмечал, что «жизнь и работа Горо Сикоку в лагере сильно повлияли на его мировоззрение и его политические взгляды. Вернувшись в Японию, он вступил в коммунистическую партию, стал ярким антивоенным активистом. Его художественное творчество было затронуто советской агитацией с ее плакатами, чтением литературы, организацией концертов и газетой «Нихон симбун», которая издавалась советскими властями специально для японских военнопленных» [Kuznetsov et al. 2018: 138–139].

Несомненно, на взгляды Горо повлиял и тот факт, что его родной город Хиросима 6 августа 1945 г. был подвергнут ядерной бомбардировке. Не случайно позже Горо активно участвовал в антивоенном движении: стал председателем Ассоциации мирного искусства Хиросимы, членом Совета мира, вошел в совет поэтов, стал участником движения «Изобразительное искусство для установления мира без ядерной войны». В 1949–1953 гг. Горо принимал активное участие в деятельности Общества наших стихов – объединения поэтов в послевоенной Хиросиме. Общество выступало против

войны в Корее, создав самые интересные художественные антивоенные движения в городе.

В полном виде дневник Горо Сикоку был издан при участии профессора Кавагути, журналиста Аrimiцу и сына художника Сикоку Хикару уже после его смерти [Горо Сикоку и др. 2017].

Энн Шериф, профессор Оберлин-колледжа в американском штате Огайо, создала веб-сайт, популяризирующий произведения искусства и миротворческую деятельность Горо Сикоку – [<http://scalar.oberlincollegelibrary.org/shikoku/index>]. В нем представлена история художественной деятельности Горо, его картины и стихи, посредством которых он продолжал передавать миру свои антивоенные и антиядерные послания. На веб-сайте «Народный протест в послевоенной Японии: антивоенное искусство Горо Сикоку» представлены его работы, созданные с 1949 г. [Тюоку симбун 2020: 2 ноября].

«Рассказ о Сибири» Ямасита Сидзуо

В 2006 г. в Японии, в префектуре Тиба, вышел в свет альбом рисунков бывшего военнопленного Ямасита Сидзуо «Рассказ о Сибири. Документальные зарисовки одного японского солдата» [Окамото Наоми 2019]. Первое издание книги (1993 г.) было сделано ручным способом на народные пожертвования стараниями издателя и друга художника Омура Тосия и господина Кавадзу и их соратников и существовало всего в нескольких экземплярах. Издание 2019 г. осуществлено тиражом в 600 экз. в память о Ямасита Сидзуо, который ушел из жизни несколько лет назад. Текст книги передан параллельно на японском и русском языках в переводе Нагасэ Рюдзо, редактор перевода и автор введения – С. И. Кузнецов.

Альбом рисунков Ямасита Сидзуо – это четыре года в Тайшетском лагере военнопленных № 7 в Иркутской области (1945–1949), воссозданные им спустя 25 лет после репатриации по воспоминаниям обыкновенной шариковой ручкой, был опубликован, по словам издателя Омура Тосия, «для успокоения душ покойных». Всего было создано около тысячи рисунков, из которых для альбома отобрано около двухсот.

Прежде стоит разъяснить, что такое Тайшетский лагерь, или, как он именовался в 1945 г. официально, 7-е управление лагерей японских военнопленных Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР. Это был один из многочисленных (до 40 тыс. чел.) сибирских лагерей, куда направляли бывших военнослужащих Квантунской армии после окончания советско-японской войны 1945 г. Он включал до 50 лагерных отделений, разбросанных по почти 300-километровой линии строительства железной дороги Тайшет – Лена. Тайшетлаг был одним из наименее приспособленных для жизни и работы лагерей. Зимняя температура здесь доходила до -50°C , в момент прибытия военнопленных отсутствовало нормальное жилье, японцы строили его себе сами. Очень плохо обстояло с питанием и медицинским обслуживанием. Работа – тяжелейший ручной труд при любой погоде, почти без применения каких-либо механизмов по валке и перевозке леса, строительству железнодорожной насыпи, проведению дорог. Все это привело к тому, что зимой 1945–1946 гг., по неполным данным, в Тайшетлаге погибли 4003 японца. Современному человеку сложно представить условия, в которых оказался Ямасита Сидзуо и его товарищи по несчастью.

Разнообразие увиденного в лагере было поистине огромно. Люди там жили и умирали, страдали и надеялись, любили и ненавидели, дружили и враждовали, трудились и отдыхали – устраивали концерты и ставили спектакли... Разумеется, все

эти общечеловеческие проявления жизни, перенесенные в нечеловеческие условия, приобретали, как правило, совершенно необычный, а порой противоестественный характер. Как представить себе то, что целый театр – «культбригаду» ведут на выступление под охраной вооруженных конвоиров?!

Людам, заключенным в лагерь, казалось бы, было не до творчества. С другой стороны, жизнь в неволе не может заставить человека отказаться от своих потребностей, в т. ч. от стремления к творчеству. Да, способность творить дарована человеку не зря, в трудные минуты жизни она становится чем-то вроде спасательного круга для души, поддерживающего ее на плаву, не позволяющего ей утонуть в ледяных волнах горя и отчаяния. Разумеется, лагерные условия не способствовали его подлинному расцвету. И большинство произведений, как это было и у Ямасита Сидзуо, было создано уже после репатриации.

Бывшие военнопленные, познакомившись с альбомом, говорили, что их жизнь была именно такой, какой ее показал художник. Ямасита живо воссоздал облик жизни в лагере и вокруг него – военнопленные и русские солдаты, русские женщины и дети, строительные работы на железной дороге, лесоповал, печальные сцены смерти товарищей по плену, тайга. Рисунки передают богатство личности Ямасита, его глубокую человечность – в суровых условиях он не утрачивает разума и объективно, но одновременно очень тепло воспринимает окружающих его людей и природу.

Ямасита пишет: «Я желал создавать такой альбом еще в плену. Я от природы люблю рисовать. Поэтому не будет преувеличением сказать, что моя жизнь сводится к рисованию. Самым мучительным в лагере для меня была жизнь интернированного, лишенная возможности рисовать. Смертельной мукой являлся принудительный труд для такого бессильного человека, как я, а жизнь без «способа рисования» удваивала ее. Через год плена я почувствовал себя спокойнее и подумал: если бы я вернулся на родину, я непременно рисовал бы то, что видел своими глазами.

Действительно, образы друзей, которые жили в крайне тяжелых условиях, были верхом красоты, но и земля Сибири была крайне красивой. «Если бы у меня были бумага и карандаш!» – переживал я безутешную печаль. Я всю жизнь не забываю радость того, что в тот самый день, когда я репатрировался и сразу госпитализировался, я начал рисовать без разбора.

Спустя 25 лет, т. е. весной 1974 г., я по какому-то мотиву начал описывать четырехлетний плен в стиле дневниковых записей и иллюстрировать их. Я пользовался шариковой ручкой, так как рисовал в поезде по дороге на работу. И весной 1981 г. я в общем завершил рисование. Этот альбом, который я долгие годы горячо желал создать, является плодом памяти. Поэтому воссоздать детали было для меня довольно трудно. В эти годы моя работа была представлена в газетах «Кобе Симбун», «Ёмиури Симбун» и «Маинити Симбун» и выставлена на выставке мира «Ёмиури Симбун», что вызвало многочисленные отклики. Это послужило мне стимулом к дальнейшему творчеству. Осенью 1979 г. я впервые добился успеха на конкурсе во время художественной выставки нового века в г. Кобе. Прежде всего, я был рад тому, что моя маленькая картина, написанная шариковой ручкой, была признана настоящей живописью» [Ямасита Сидзуо 2006]. Издатели альбома отправили около 100 экз. в качестве дара крупнейшим российским библиотекам, организациям общества «Россия – Япония» и некоторым заинтересованным лицам, а также Президенту В. В. Путину и М. С. Горбачеву.

Трудно представить, чтобы художник, прошедший через лагерь, мог испытывать добрые чувства к России. Мнения мемуаристов индивидуальны и связаны с различными обстоятельствами, их характерами и интеллектуальным уровнем.

Многие бывшие военнопленные, особенно вернувшиеся домой в 1947 г., сохранили негативные воспоминания, предпочитали не вспоминать лагерь и решительно отвергали все, что было связано с СССР. Это породило антисоветские настроения в части японского общества. Для других экстремальные условия плена стали вызовом, который потребовал отказаться от традиционной схемы поведения, способствовал адаптации к новым условиям. Ямасита признает: «Сначала я рисовал, изливая гнев на все, но со временем мои чувства изменились. Я понял, что интернирование после войны было неизбежным; нам надо ненавидеть войну, а самым важным является мир. Тот, кто испытал на себе войну, обязан отстоять мир. Ненависть вызывает только ненависть. Такая мысль успокоила мою душу» [2006]. Многие признавали, что Сибирь закалила их дух, серьезно изменила характер. «В самые первые дни плена я чуть не потерял себя, а один русский офицер бранил меня: Как же вы потеряли гордость, японцы?» Эти слова словно разбудили меня. Я вдохновился этим и сохранял гордость человека, и еще призывал и ободрял своего друга: «Давай выживем и вернемся в Японию вместе со всеми!», – вспоминает Ямасита [Там же].

Кадзуки Ясуо подчеркивал: «Если бы я не пережил войну, я бы, наверное, прожил ничем не примечательную жизнь. Именно то, что случилось в середине моей жизни, и позволило мне стать тем, кем я стал» [1970: 159]. Такие примеры, по мнению Э. Гучиновой, возможно, являются «способом самотерапии, при котором негативные воспоминания и чувства вытесняются и заменяются преувеличенно позитивными, как бы снимая травмы прошлого» [2016: 8].

Безусловно, мемуары бывших военнопленных, особенно изобразительные, дают богатый материал для психологических и антропологических исследований. Что касается историографии плена, эти воспоминания – уникальные исторические источники, которые не только показывают нам достоверную картину событий, но и позволяют увидеть множество деталей, которые утрачены, казалось, навсегда.

Литература

Гучинова Э.-Б. Рисовать лагерь. Язык травмы в памяти японских военнопленных о СССР / Э.-Б. Гучинова. – Sapporo: Hokkaido Univ., 2016. – 220 с.

Горо Сикоку. [Записки о моей молодости] / Горо Сикоку, Аримицу Кэн, Кавагути Такаюки, Сикоку Хикару. Вага сэйсюн-но кироку. – Киото: Саннинся, 2017. – Т. 1. – 545 с.; т. 2. – 513 с.

Кадзуки Ясуо. Ватаси-но Сибэриа [Моя Сибирь] / Кадзуки Ясуо. – Токио: Бунгэй Сюдзю, 1970. – 250 с.

Кирамэку хокуто сэй-но мотони. Сибэриа ёкюрю гасю [Под светом Полярной звезды. Сборник картин военнопленных в Сибири]. – Токио: Kyodo Printing Co., 1989. – 229 с.

Кузнецов С. И. Интернирование японцев в СССР в 1945–1956 гг. в работах российских авторов: библиографический указатель / С. И. Кузнецов // Slavic Bibliography Series No. 3. – Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center Hokkaido University, 2019. – 94 p.

Окамото Наоми. Суми-э – японская живопись тушью / Окамото Наоми; пер. с нем. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 160 с.

Савада Сайносукэ. Сибэриа ёкюрюся-но омойдэ [Воспоминания сибирского узника] / Савада Сайносукэ. – Мураяма: Кита Мураяма хэйва сэнта, 2017. – 116 с.

Саираидзи Хидэхико. Сибэриа ёкюрю канкэй кихон сёси (Библиография сибирского интернирования) / Саираидзи Хидэхико. – Токио: Нитигин Асс., 2016. – 315 с.

Сайто Кунио. Манга. Сибэриа ёкюрю моногатари [Повесть о сибирском интернировании]: в 2 т. / Сайто Кунио. – Токио: Кодзинся, 1991. – Т. 1. – 222 с.; т. 2. – 222 с.

Тюгоку симбун. – 2020. – 2 ноября.

Японские военнопленные в Карагинской области. – Караганда, 2011. – 1225 с.

Ямасита Сидзуо. Рассказ о Сибири. Документальные зарисовки одного японского солдата / Ямасита Сидзуо; пер. с яп. Нагасэ Рёдзи и С. И. Кузнецова. – Токио: Дэдзипро, 2006. – 208 с.

Kuznetsov S. Report on a Russian-Japanese Workshop “Internment of Japanese in Mongolia and Siberia in Postwar Period” [Электронный ресурс] / S. Kuznetsov, A. Kuklina, Tsuboi Hideto, Takayuki Kawagochi // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. – 2018. – Т. 26. – С. 137–142. – Режим доступа: <http://scalar.oberlincollegelibrary.org/shikoku/index> (дата обращения: 06.03.2021).

References

Guchinova E.-B. Risovat' lager'. Yazyk travmy v pamyati yaponskih voennoplennyh o SSSR / E.-B. Guchinova. – Sapporo: Hokkaido Univ., 2016. – 220 с.

Goro Sikoku. Vaga sejsyun-no kiroku [Zapiski o moej molodosti] / Goro Sikoku, Arimicu Ken, Kavaguti Takayuki, Sikoku Hikaru. – Kioto: Sanninsya, 2017. – Т. 1. – 545 с.; т. 2. – 513 с.

Kadzuki Yasuo. Vatasi-no Siberia [Moya Sibir'] / Kadzuki Yasuo. – Tokio: Bungej Syundzyu, 1970. – 250 с.

Kirameku hokuto sej-no motoni. Siberia yokuryu gasyu [Pod svetom Polyarnoj zvezdy. Sbornik kartin voennoplennyh v Sibiri]. – Tokio: Kyodo Printing Co., 1989. – 229 с.

Kuznecov S. I. Internirovanie yaponcev v SSSR v 1945–1956 gg. v rabotah rossijskih avtorov: bibliograficheskij ukazatel' / S. I. Kuznecov // Slavic Bibliography Series No. 3. – Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center Hokkaido University, 2019. – 94 p.

Okamoto Naomi. Sumi-e – yaponskaya zhivopis' tush'yu / Okamoto Naomi; per. s nem. – М.: Mann, Ivanov i Ferber, 2019. – 160 с.

Savada Sajnosuke. Siberia yokuryusya-no omojde [Vospominaniya sibirskogo uznika] / Savada Sajnosuke. – Murayama: Kita Murayama hejva senta, 2017. – 116 с.

Sairaidzi Hidekhiko. Siberia yokuryu kankej kihon syosi (Bibliografiya sibirskogo internirovaniya) / Sairaidzi Hidekhiko. – Tokio: Nitigin Ass., 2016. – 315 с.

Sajto Kunio. Manga. Siberia yokuryu monogatari [Povest' o sibirskom internirovanii]: v 2 t. / Sajto Kunio. – Tokio: Kodzinsya, 1991. – Т. 1. – 222 с.; т. 2. – 222 с.

Tyugoku simbun. – 2020. – 2 noyabrya.

Yaponskie voennoplennye v Karagandinskoj oblasti. – Karaganda, 2011. – 1225 с.

Yamasita Sidzuo. Rasskaz o Sibiri. Dokumental'nye zarisovki odnogo yaponskogo soldata / Yamasita Sidzuo; per. s yap. Nagase Ryodzi i S. I. Kuznecova. – Tokio: Dedzipro, 2006. – 208 с.

Kuznetsov S. Report on a Russian-Japanese Workshop “Internment of Japanese in Mongolia and Siberia in Postwar Period” [Elektronnyj resurs] / S. Kuznetsov, A. Kuklina, Tsuboi Hideto, Takayuki Kawagochi // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. – 2018. – Т. 26. – С. 137–142. – Режим доступа: <http://scalar.oberlincollegelibrary.org/shikoku/index> (дата обращения: 06.03.2021).